

Соэль Карцев

Одиночка

Философская лирика

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Соэль Карцев

Одиночка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Карцев С. В.

Одиночка / С. В. Карцев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В эту книгу стихов вошли произведения в основном философского содержания, а также поэмы "Средства передвижения" и "Самое лучшее". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	5
Средства передвижения (поэма)	5
Разговорное	14
Электронная почта	15
Не вернуться, так сгинуть	17
Разве сторож	18
Молох	19
Паучок	20
Старая затея	22
Кладовка на третьей космической подстанции	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глава первая О времени и о стране

Средства передвижения (поэма)

Главы весей и субъектов, записные демократы!

Плитки скользкой чудотворцы! Не ходите по столице

рядом с ямами в асфальте; сами будете не рады

тротуарам скороспелым, доводящим до больницы.

Вам на чёрных мерседесах не угнаться за народом:

тройка мчится больше лесом, расступается природа.

Ох, на грани мы войны

поутру, надев штаны.

«Час копают, два поносят».

«Вас сюда совсем не просят».

«В позе гордого орлёнка

возрождаем октябрёнка».

Едет Лермонтов на джипе в Украину через Сочи.

А у нас трубу прорвало, позвонили в жилконтору.

(Надо будет, и в сортире террористов мы замочим.)

В стельку пьян водопроводчик, прочищающий заторы,

оттого, что террористы – бородаты и плечисты —

стали шибко гонористы, многолики и речисты.

Им на фанову трубу

не раскатывать губу!

«Слезет скоро сонный витязь».

«Денег нет, но вы держитесь».

«В недрах синхрофазотронов
укрепляем оборону».

Прёт Некрасов на мопеде, опосля «Ночные волки».

Изобилье на прилавках, только гречка дорожает.

Бонапарт бежит по снегу за летящей треуголкой.

Тесто путает опару с конструктивными дрожжами.

И петиций подписанты, пробираясь по-пластунски,

под биение курантов партизанят в жутко узких

коридорах у стены,

где вожди давно равны.

«Дайте свет в конце туннеля!»

«Печь загнал уже Емеля».

«Замудохали, пиндосы!»

«Не найдётся папиросы?».

Достоевский на Амуре задирает нос моторке.

По-китайски улыбаясь, преступление занывав,

вслед скабресной пуле-дуре покупаем в Военторге

наказанье для водицы, убежавшей из арыка...

«Я – не тварь, я – канарейка: право есть у всех на клетку.

Ты воды, дружок, налей-ка и не суй меня в розетку.

Вот увидишь, я спою

песню славную мою!»

«Пятьдесят оттенков хочет

старый пень, твердя, что кочет».

«В Таиланде так уныло».

«Врежь «козлу», судью на мыло!»

Пётр на бреющем полёте прорубает щель в Европу,
не дождавшись, видно, визы от шенгенских бюрократов.

Из Швейцарии навстречу ко всемирному гоп-стопу
пробивается Ульянов с шайкой-лейкой аппаратной.

Промедление подобно обанкроченному клерку;
в этой лавочке удобно, как названье не коверкай.

Караул стоять устал.

«Я взойду на пьедестал?»

«Потанцуй со мною, краля».

«Да, зажулили «Мистрали»».

«Взял сегодня в банке ссуду».

«Перемыл бы кто посуду».

Чернышевский в мягком, спальном ожидает остановки.

Вера Павловна десятый сон досматривает рядом.

Президент сидит в Генштабе и поглаживает кнопки.

Подготовленный десантник бьёт в фонтане морды гадам,
позабывшим, что второго не положены прогулки.

Вместе с фермером корова воздух впитывает гулкий.

Приподняли мы село,
чтобы городу дало.

«От же, пятая колонна —
руссофобы, мать едрёна».

«Головой её о шкафчик:
не давала, сука, хавчик.»

На зубных вращаясь креслах, катят Брежнев и Черненко.

Надевает «пачку» прима легендарного балета.

Ждут «отказники», когда же им дадут под зад коленкой.

Мишка ждёт Олимпиаду, а шестёрки ждут валета.

Скоро грянет перестройка, комсомол стучит копытом.

Прёт Негоду хмырь на койке, бьётся бабка у корыта.

Здравствуй старая игра:
рыбу слопала икра.

«Это очередь к Мавроди?»

«Кашпировский – чёрта вроде».

«Чё меньжуеться, шалава?

Церковь – слева, хата – справа».

Едет коллективный Запад на девятом «Жигулёнке» ,

удивляется, бродяга, перспективам автопрома,

охмуряет бывших наших, словно парень разведёнку,

и покрикивает нагло с вашингтонского обкома:

«Разрешите педерастов, замените водку пивом,
отберите у гимнастов допинг, сделанный красиво».

Вы спросите у врача —
не разбавлена моча!

«Не забудьте завтра выбрать».

«Ищет там, где глубже, выдра».

«Джонни Депп висит на рее».

«Все бендеровцы – евреи!»

На медведе скачет Завтра, так похожее на кому,
опоздавшего родиться или девушку с правилом.
Там георгиевской лентой заседание парткома
украшают кавалеры Белой гвардии разлива.
Сбоку – только для проформы – Бомба пепел накопила.
Добавляет галстук нормы и частично сексапила.

«На миру и смерть красна».

Смерти с миром – не до сна.

«Напугали – голым задом».

«Обвалили рубль, гады».

«Одолжил бы, счёт пополнить».

«Мы нагнули всех по полной».

Едет Скрепа на лафете в чём-то чёрном, вроде рясы
и пытается из пушки пострелять по воробьиным

стоям. Те, бывает, ропщут: «Мол, пальба» и точат ляды,
но клюют, что им скормили, а особенно – рябину.

Под Америкой сидящим тяжело – бормочет кто-то—
то ли дело наш смотрящий: жить даёт и жить охота.

Утро красит нежным све...

Сносят домики в Москве.

«Песни старые о главном».

«Перейду к вопросу плавно».

«Их там нет, но помогите».

«Вы в окошечко пройдите».

Едет Память на маршрутке с пожелтевшим манускриптом
и записывает даты на последнюю страницу.

Даты смерти и рожденья – покрупнее,

мелким шрифтом —

те из жизненных событий, что сумели сохраниться.

Государства-пассажиры только входят и выходят:

место есть – пока мы живы – светлой Памяти в народе.

Безымянное «вчера»

крутят– вертят шулера.

«Проходите на посадку».

«Навернул бы я с устатку».

«Эх, опять насрали мимо».

«На руках то шваль голима».

Едут дети на трамвае, кто-то прямо с Селигера,
бодро кликают иконки на айфонах и айпэдах.
Марширует на параде детский сад, и квакер Гера
рапортует ветеранам о свершеньях и победах.
Машут девочки руками под «Прощание славянки».
Жаль, дороги с дураками снова ссорятся по пьянке.

Как узнаешь что почём,
будешь тёртым калачом.

«Ну, рыгнул в лицо спросонок».

«Развалили нас масоны».

«Вторгся в Божию обитель

беззащитный истребитель».

На троллейбусе, слетая, едет Белочка с Рогами
и поглядывает в окна, где акации качают
мирно спящего младенца. Сочиняет оригами
бездыханная мамаша, поднабравшаяся, чаю,
на троллейбусной площадке позабывшая коляску
с деревянную лошадкой. Гонит пони свистопляска.

«Проходите в кабинет.

Есть ребёнок, мамы нет».

«Слышен запах карамели».

«Нашу девочку имели!

Всё проклятые мигранты!»

«Что за дача без веранды?»

На метро Контора мчится, в сахар жаждет воплотиться

с лёгким привкусом пустого, отвратительного чая.

С ложью, политой слезами, скороходит небылица

и с циничною ухмылкой на вопросы отвечает.

Вот опять дурные вести, словно козыри в колоде,

заменяют бег на месте под количество мелодий.

Знать, пронёсся ураган.

Деньги делает наган.

«У него на пол-шестого.

Я к минуте не готова».

«Тролля злобного забаньте!»

«Чёрт-те что и сбоку бантик».

Широка страна родная, но пространство год от года

потихоньку покоряем, сокращая неустанно.

Кораблю с названьем гордым улыбается погода.

Экипаж, в тайге скучая, пишет письма капитану.

Эффективный управленец, чтобы не было так больно,

предлагает соль и перец. Тянет песнь, скорбя, невольник.

Золотые купола.

Из яйца торчит игла.

«В сотый раз на те же грабли».

«От инфаркта лечат капли».

«Ты слыхала, вот так номер,

наш сосед недавно помер».

По волнам плывёт кораблик. Мысли прячут за фальшбортом

огоньки святого Эльма или, может, отраженье

чётко видимых плевочков. Где Вернадского реторты,

где-то возле обезьяны, там начало всех движений.

Зачерпнув воды из лужи, судно всё-таки стремится

к хоть какой-нибудь, но суше, над волнами вьётся птица.

Неба выцвела пастель,

хрипло стонет коростель.

«Что назначено судьбою

выпадает нам с тобою.

Время растворяет лица,

дав событиям продлиться.

Опоздали на раздачу:

наших нет, а нас тем паче.

Не печалься, может случай

рассудил, как будет лучше.»

Разговорное

Говорит "вчера", что "сегодня" было.

Нынче говорят, что вчера постыло.

Говорит уха: о судьбе лопочет.

Голубь во дворе гулит всё, что кочет.

Говорят дома, говорят деревья,

с городом ещё говорит деревня.

Водка говорит, догоняясь пивом,

с дядькой – бузина, с резедой – крапива.

Разговор идёт о делах насущных:

крейсеру не стать авианесущим,

подковать блоху не удастся правой.

Кулачками в грудь бьёт себя неправда,

хилое "вчера" приручить пытаюсь;

к волку лезет в пасть, вразумляя, заяц.

Где-то в тишине затерялось "завтра".

Повторяет речь о молчанье мантру.

Электронная почта

Непогода нынче. Пасмурно и зябко.

Ветер ветками колотится в окошки.

То зима, прощаясь Золушкой, Зяма,
ищет туфельки хрустальные и брошки.

Фея встретится не скоро, но привычно,
а пока оставил падчерицу ангел,
между небом и землёю закавычив
ожидание с прощанием, как анкер.

Отправляю тебе, Зяма, это фото.

Помнишь школу? Как бузили на уроках?

Выходил к доске ты, точно к эшафоту,
и звучал звонок спасительный до срока.

Я сейчас один, жена ушла к соседям:
смотрят вместе "Поединок" с Соловьёвым.

Ни Америки, ни северных осетий —
только ветер, как в предгорьях Айовы.

Кликну мышкой – вот и всё, уже готово.

Наш четвёртый с классной строгой, Октябриной.

Два плаката фоном в будничной столовой.

Чёрно-белый цвет, а кажется карминным...

Крайним слева, Славка Деллинг из Поволжья.

Он в Германии, владеет бакалеей.

Взял девчонку в жёны, сорок лет моложе,
в ус не дует, ностальгией не болеет.

Ностальгия, Зяма, странная забава
для людей, которым выпало родиться
в этой проклятой империи, и право,
раем тут сегодня служит заграница.

Ты живёшь, пускай, в заштатном городишке,
но свободен от боязни, как болезни;
не империей – семьёй своей гордишься —
для истории семейной интересный.

Стары стали, Зяма, многого не помним,
а о многом вспоминать и неохота.
Разве что мелькнёт какой-нибудь топоним
из прошедшего, как огонёк киота.

Едем с ярмарки. Ход жизни не поправить.
На слюде окна вода торит бороздки.
То ли время убивает нашу память,
то ль – серьёзные до одури берёзки.

Не вернуться, так сгинуть

Деревянные грелки до срока рассыпались в прах
и остались в руках грифы скрипок, что шеи нерях:
то ль обмылки ловить, то ль обломки искать на погостах
среди неясных теней и страны миражей,
где количество лет – лишь довесок к числу этажей,
проштампованных ГОСТом...

Не вернуться, так сгинуть хоть "пробкою" в рыхлый бетон
иль струёй молока в мой эмалевый, белый бидон
(подвезли в шесть утра, я последним успел на раздачу);
за овальным столом ни толкнуться, ни глазом моргнуть,
но не рыцари там – белоглазая чудь
ставит бодро задачу...

Разве сторож

Полоса отчуждения лжи и зависти вашей

Станет вмиг наваждением безысходным и страшным.

Братья станут родные вам врагами навеки.

Не прозреют слепые, не восстанут калеки.

Счастье сгинет, от моли чуда ждать не придётся.

После этих злословий только смерть остаётся.

Полоса безразличья ваших сытых желудков

Неподвластна приличьям, недоступна рассудку!

И научите с пылом, и спасёте без спроса,

В спину всадите вилы, горло вспорете просто,

И во время эфира завопите в экстазе,

Что вы лишь ради мира убиваете, мрази!

Молох

Никто не затушит свечу,
Не сядет к плечу в изголовье,
Глаза не прикроет ладонью,
Не скажет – о чём промолчу.

Затворник – истаявший мрак —
Коснётся случайно рассвета.
И вспышкой солнечной где-то
Движение начнётся в мирах.

Планеты метнутся с орбит.
Молох кровожадный – гиеной —
Восстанет внезапно из тлена,
Ослабясь, на мир поглядит.

Пойдут по дорогам жнецы
С свинцом и стальными серпами,
Усеют могилы крестами
Зловещего бога жрецы.

Никто не придёт на погост.
И душам не будет покоя:
Их матом при жизни покроет,
Стяжавший на смерти прохвост.

Паучок

Ты говоришь о любви,
Смотришь на паучка,
Ползущего
Под прицелом зрачка,
Тянется медленный блюз...

Ты говоришь о мире,
Но переживший смерть
Безногий мальчишка рядом.

Выбор за ним: смотреть
Или катиться мимо.

Быстро отводишь глаза.

Ищешь смысл бытия...

Зачем тебе это надо?

"Небо, разве же я...?*"

Ты говоришь о слезах

Рано познавших счастье

Думать чужим умом

Ведущего

К стенам разбитым в дом,

Ради преступной власти.

Смотришь на паучка и звучит медленный блюз...

**разве же я сторож брату моему – В Ветхом Завете (Бытие, гл. 4, ст. 9) приводится этот ответ Каина, убившего своего брата Авеля, на вопрос, где находится брат его.*

Старая затея

....."Душно! без счастья и воли

.....Ночь бесконечно длинна.

.....Буря бы грянула, что ли?

.....Чаша с краями полна!"

.....Н.А.Некрасов

Что-то стало душновато.

Не пора ли окна настезь?

Жизнь короткая, ребята.

В ложь поверишь – небо застишь.

Мириады звёзд Вселенной

Перестанут загораться:

И кумиру – власти брэнной

Вмиг раздастся гром оваций.

Память редко ставит точки,

И желание понятно:

Рисоваться между прочих

На просторах необъятных.

Это старая затея —

Сделать Богом человека.

Мир души давно затерян:

Без неё и царь – калека.

Цель простая – мысль замедлить,

Управлять людей стадами.

Чуть отсыпешь грязной меди,

Глядь! Получше ведь, местами...

Облаков густая вата

Всё сгущается, темнея.

Пред грозюю душновато.

Буря б грянула скорее!

Кладовка на третьей космической подстанции

Её не замечали никогда.

Ну что за невидаль, на самом деле?

В Галактике творится кавардак:

Центаврики от Тау залетели.

За всем следить попробуй день-деньской,

Хоть длинный он, космический, парсечный.

На Альфе ведь – покуда – Домострой;

А таутята те – не безупречны.

Землян гоняют сверху и направо,

Вдоль Млечного Пути и поперёк.

Вселенной всей народная забава —

Набрать ноль-три, пока непохмелён.

„Соседа с Антареса заберите“, —

Орёт надрывно с Сириуса моль: —

„Куда ещё беднее и забитей,

А чистит гад сегодня антресоль!

На антресоли может быть воспряну,

Восстану, то есть, до размеров гли.

Давай, земляне, красную поляну!

Поляну мне накройте, чёрт возьми!

А если нет, я – страшная в азарте —

Раздуюсь мигом и поем бельё.

Со мною планетарно не базарьте!

Залезу в галактический бульон!

Да что бульон, смогу Вселенной править,

Духовностью болезни излечить!

Не всё – бельё и Сириус дырывать —

Микстуру мне сакральную, врачи!

А на Земле вприпрыжку пробегал

Порою заяка из забытой сказки,

По окоёму, в небе – облака.

Всё по уму: без страха, без опаски.

Планета третья, потому – ноль-три.

Помогут, приголубят, приутешат,

Но на беду для этой наглой тли

Не подошёл космический скворечник.

Продёрнута в игольное ушко,

Аэрозолью травлена и сыта,

Среди микстур и прочих порошков

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.